

ГРОТОВСКИЙ умер в Понтедере в Италии 14 января в пять часов утра. Слишком много больших потерь в последние годы – Феллини, Стрелер, Куросава, Гротовский... Как будто убывает романтический жар, отпущенный этому веку. Гротовский был романтиком не только потому, что его первые постановки «Дзядов» Мицкевича и «Кордиана» Словацкого дали новую жизнь романтическому польскому наследию, но потому, с каким романтическим запалом «строил» свою театральную утопию – в Ополе, Вроцлаве, Америке, Италии. Не случайно, что через 150 лет после Мицкевича, вдохновенно импровизировавшего курс славянских литератур в Сорбонском университете, именно Гротовскому была предложена кафедра антропологии театра в Сорбонне.

Ежи Гротовский создал театральные представления, без которых невозможно представить себе историю мирового театра – «Доктор Фаустус», «Стойкий принц», «Акрополис», «Апокалипсис кум фигурис» («Apokalipsis cum figuris»)

В Театре-лаборатории родилась модель «бедного театра», которая легла в основу широкого театрального движения, названного Эудженио Барба «Третьим театром». По словам Питера Брука, после Станиславского Гротовский был единственным, кто внес такой великий вклад в наши знания о технике актерской игры. «Стойкий принц» – Рышард Чешляк – войдет в историю театра как символ актера-мученика, беззащитного, полубога, истязаемого в близком физическом присутствии публики, испугающего свои собственные и чужие грехи, приносящего спасительное чувство катарсиса в своей просветленной стойкости и возрождающегося вновь и вновь – от представления к представлению. Гротовский знал, что театр может быть бедным, очень бедным, может быть лишен всего, кроме великого, «богатого» актерства.

Гротовский внимательно изучил уроки Станиславского и дал на них свой собственный исчерпывающий ответ.

Только теперь получило объяснение и смысл то, что давно уже запланированный в Будапеште симпозиум и издание текстов Гротовского должны были состояться в ноябре: он мог еще радоваться книге. Ведь то, что обычно называют тщеславием и суетностью великих мастеров, на самом деле не что иное, как желание постоянно сомневающегося в себе, находящегося в вечном борении с самим собой и миром, идущего неизведанным путем художника получить весть, знак признания от окружающих, что дает ему силы продолжать свой путь одинокого открывателя.

Жизненный путь Гротовского – как и всякого великого художника – может быть вписан в замыкающийся круг предначертаний и мыслей. От первой внимательно прочитанной книги английского автора «Тропинками йогов», которую он получил от матери, до последнего эссе «Восток–Запад», которое перевел на польский язык и опубликовал друг и сотрудник Гротовского Людвик Флашен. В заключительных строках эссе Гротовский вскрывает то экзистенциальное различие, которое существует в интеллектуальном и духовном складе человека, рожденного на Западе и на Востоке. Гротовскому ближе была духовность Востока, что нашло выражение и в его творчестве.

«В один прекрасный день мы попадаем в западню, оказываемся в лесной чаще без всякого просвета, откуда нет никакого выхода. Жизнь загнала нас в тупик, бросила в западню. А как только мы подумаем, что мы не связаны силками, то попадаем в них иным способом: наступает момент, когда мы оказываемся перед непроницаемой стеной. Пойти в направлении «да» – означает катастрофу, в направлении «нет» – тоже катастрофа, двинешься налево – катастрофа, направо – также, сделаешь шаг вперед – катастрофа, назад – катастрофа, пойдешь ли вверх или вниз – опять-таки катастрофа. И вот тогда доверишься таким потенциальным силам, которых не знаешь, – это и есть <...> невероятная мобилизация твоей натуры (а может быть, Натуры с большой буквы?) с тем, чтобы найти выход из безвыходной ситуации. Очевидно, что решение тебе неизвестно, поскольку выхода из ситуации нет, нет его и в твоём уме. Все это так, разумеется, но зато в твоём уме скрыты все возможные решения. И есть нечто, что начинаешь делать, сам не ведая как и почему, но это единственно возможный ответ, а следовательно, индивидуальный и единый, вызванный потенциальными силами, а потому и не только индивидуальный, и именно это имеет значение, а не максима и не сентенция».

Быть может, эта мысль Гротовского поможет нам обрести мудрость и спокойствие на трудных перекрестках нашей собственной судьбы и тогда, когда его уже нет среди нас.

Нина КИРАЙ